

как объект познания и современность, к которой принадлежат исследователь, преподаватель, ученик, и которая в целом определяет методы и формы историографического мышления. В этом случае прошлая культурная жизнь как форма исторической эпохи, с одной стороны, и рациональное культурное мышление, - с другой, являются основой осуществления межпредметной интеграции истории с другими социально-гуманитарными курсами.

В качестве примера межпредметной интеграции между дисциплинами «История» и «Обществознание», приведём тему «Политические режимы». История России изобилует примерами как авторитарного, так и тоталитарного, и демократического режимов. При установлении интегративных связей материал актуализируется знаниями учащихся из области политической истории. Говоря о тоталитарном режиме, мы привлекаем сведения из истории советского государства в 30-40-е годы и выделяем основные признаки данного режима: всесторонний контроль за жизнью общества, отсутствие реальных прав и свобод, подавление оппозиции, репрессии, милитаризация жизни общества, господство единой идеологии.

Таким образом, интеграция позволяет опираться при рассмотрении той или иной темы на имеющиеся у учащихся знания по смежным наукам, что снимает трудности в усвоении рассматриваемых вопросов и создает положительный настрой, заключающийся в осознании нужности и полезности приобретенных знаний.

Смирнов С.В.

**Российская эмигрантская молодежь и высшее образование
в условиях Северной Маньчжурии 1920-х гг.**

Северная Маньчжурия по своим условиям составляла особую, значительно отличающуюся от других регионов проживания российских эмигрантов часть Русского Зарубежья. Кроме Праги только в Харбине, центре российской дальневосточной эмиграции, существовали чисто русские высшие учебные заведения. Одной из важнейших составных частей российского социального стандарта в Маньчжурии, который в основном сформировался еще в дореволюционный период, являлся высокий образовательно-профессиональный уровень индивида. Семья, школа и другие институты российской эмигрантской колонии всемерно ориентировали детей на получение высокого уровня образования, что неизменно связывалось с будущим профессиональным и социальным успехом. Особенно ярко такая ориентация детей проявила себя в 1920-е гг., когда в социально-экономическом пространстве Маньчжурии значительное развитие получили рыночные тенденции.

К моменту окончания школы у многих детей-эмигрантов уже были сформированы в общих чертах основные стратегические направления

жизненного плана. Судя по имеющимся у нас данным, высокий процент выпускников школ связывали свои социальные надежды с продолжением образования. Так, по материалам школьного опроса, который был проведен в начале 1920-х гг., около 18% учащихся 1-го Харбинского русского реального училища (ХРРУ) хотели продолжить свое образование в Харбинском политехническом институте (ХПИ) (1). А были еще те, кто собирался поступать в другие харбинские вузы или выехать для получения высшего образования за границу.

О проценте учащихся, избравших стратегию продолжения образования, может говорить помещенный в Сборнике памяти 1-го ХРРУ перечень выпускников училища за все годы его существования, с перечислением количества реалистов, окончивших вузы. При этом нужно учитывать, что часть реалистов, поступив в вузы, не закончили их. Из 21 человека, выпускников 1923 г. (3-й выпуск), 6 окончили вузы, один за границей; из 27 человек выпуска 1924 г. - 13; из 26 человек выпуска 1925 г. - 10; из 40 человек выпуска 1926 г. - 15, двое за границей; из 43 человек выпуска 1927 г. - 23, восемь за границей; из 26 человек выпуска 1928 г. - 8, двое за границей; из 32 человек выпуска 1929 г. - 8, двое за границей; из 31 человека выпуска 1930 г. - 8, двое за границей (2).

В среде гимназистов Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), первые выпуски которого пришлось на конец 1920-х гг., процент желавших продолжать свое образование в высших учебных заведениях и поступавших в вузы был еще выше. По материалам журнала «Друзьям от друзей», из 22 человек (10 – мальчиков, 12 – девочек) первого выпуска 1928 г. поступили в вузы все 10 мальчиков, 4 – за границей. Выпуск 1931 г.: из 37 человек (25 – мальчиков) – 20 поступивших, 5 – за границей (3).

Для получения высшего образования у российской эмигрантской молодежи Маньчжурии существовало две возможности - либо выезд для дальнейшего обучения за границу, либо поступление в харбинские вузы. По поводу выбора места обучения для детей в 1920-е гг. в эмигрантской среде существовали значительные разногласия. В 1927 г. газета «Заря» писала о том, что «родителей очень заботит вопрос – готовить ли детей к выезду за границу на учебу. Несмотря на то, что в Харбине существует четыре вуза, выезд для учебы за границу имеет массовый характер». Газета провела анкету с преподавателями харбинских вузов, которые дали следующие ответы. «Профессор Гинс (Юридический факультет): «кто едет за границу в высшие учебные заведения, тот вернется, по крайней мере, наполовину иностранцем.... Кто хочет остаться сыном своей родины, получая высшее образование, - тому полный расчет остаться здесь». Профессор Кузнецов (Педагогический институт): «тем, кто имеет деньги, по-моему, следует уезжать.... Отъезд туда не есть нездоровое явление. Едут так как не находят здесь приложения своему стремлению к знанию». Профессор Головачев (ИОКН): «в настоящее время преподавание

в высших учебных заведениях за границей, безусловно, лучше, чем в Харбине». Инженер Ковалевский (ХПИ): «многие мои ученики, выехавшие в Бельгию, возвратились для продолжения обучения в Харбин, так как политехникумы Западной Европы и Америки узко специализированы» (4).

Для обучения в вузах Европы и США дети эмигрантов выезжали в частном порядке, получая визы через харбинские консульства европейских стран и США, или на основании специальных образовательных программ и приглашений от определенных общественных организаций. В 1920-1923 гг. действовали специальные учебные программы, позволявшие русским студентам из Китая поступать в Калифорнийский и другие университеты США. Согласно сообщениям харбинских газет, дети эмигрантов для получения высшего образования выезжали во Францию, Бельгию, Германию, Италию, Гонконг.

В первой половине 1920-х гг. в Харбине открылись четыре вуза: Юридический факультет, ХПИ, Институт Ориентальных и Коммерческих наук (ИОКН) и Педагогический институт. Кроме того, в 1920-е гг. на правах вуза существовала 1-я Харбинская зубоврачебная школа. Наличие большого числа квалифицированных педагогов позволяло обеспечивать достаточно высокий уровень подготовки специалистов, ориентированных на региональную специфику будущей профессиональной деятельности.

Влияние на выбор эмигрантской семьей того или иного вуза для обучения ребенка оказывало множество факторов. Важнейшее влияние на выбор вуза, как и школы, и последующее развитие социальной карьеры индивида оказывала семья. В вопросах выбора учебного заведения, контуры которого закладывались еще в школьные годы, семья, учитывая желание ребенка, исходила, прежде всего, из представлений о желаемой профессиональной карьере для ребенка и своих материальных возможностей. Нередко даже те эмигрантские семьи, которые имели скромный достаток, стремились, мобилизуя все свои ресурсы, дать высшее образование детям. Огромное значение имели престижность, высокая оплачиваемость (доходность) будущей профессии, ее востребованность на рынке труда. Зачастую, большое влияние на выбор будущей профессии оказывала профессиональная принадлежность членов семьи, особенно преуспевавших на этом поприще.

Практически отсутствовала ориентация детей на получение высшего образования только в казачьих и крестьянских семьях Трехречья. Молодежь, выходцы из этого района, как можно судить на основе биографических материалов архивно-следственных дел репатриантов, нередко не имели даже оконченного среднего образования.

Нередко в эмигрантских семьях на получение высшего образования и последующую профессиональную карьеру ориентировались не только юноши, но и девушки (главным образом, горожанки), чей путь интеграции в общество в России традиционно лежал, главным образом, через

институт брака. Так, из 297 студентов, окончивших Юридический факультет, 91 выпускник были женщинами, что составляло около 30% (5).

Наиболее престижным из харбинских вузов в 1920-е гг. являлся политехнический институт, располагавший мощной учебно-материальной базой и финансовой поддержкой КВЖД. ХПИ был единственным вузом в городе, который имел собственные учебные здания, прекрасно оборудованные лабораторию и мастерские. В вузе существовали именные стипендии, иногородним учащимся предоставлялось общежитие, все студенты обеспечивались летней оплачиваемой практикой на железной дороге (6). По окончании вуза перед выпускниками открывались наиболее благоприятные перспективы трудоустройства в железнодорожном хозяйстве, основной из «русских» сфер занятости. В то же время плата за обучение в ХПИ была очень высока - 300 золотых рублей в год, а для детей служащих и пенсионеров КВЖД и работников института - 200 золотых рублей, что могли себе позволить далеко не все эмигрантские семьи. С 1924 г. право на обучение в институте получили только дети советских и китайских подданных.

Положение других харбинских вузов в сравнении с ХПИ было достаточно скромным. Они практически не имели субсидирования извне и даже не располагали собственными помещениями. Несмотря на это, популярность Юридического факультета и ИОКН была высока, особенно среди русских, не принявших советского или китайского гражданства. Профессии, которые давали отделения этих вузов (юридическое и экономическое на Юридическом факультете, и восточно-экономическое и коммерческое в ИОКН), были престижными, хотя и по-разному востребованными на рынке труда Маньчжурии. Не последнюю роль в выборе ИОКН и Юридического факультета играла их вечерняя форма обучения и плата за обучение, которая была в два раза ниже, чем в ХПИ. Так, на Юридическом факультете годовая плата составляла 150 золотых рублей, в ИОКН в середине 1920-х гг. – 100 китайских долларов.

Нестабильность экономического положения многих эмигрантских семей, а также колебание политической конъюнктуры в регионе негативно сказывались как на положении самой русской высшей школы в Маньчжурии, так и на перспективах завершения образования для большого количества русских юношей и девушек. Как писала газета «Русский голос» в 1922 г., «за слушателями [Юридического факультета] числится большая недоимка платы. Можно предвидеть, что и вновь поступающая на факультет молодежь явится далеко не обеспеченной в материальном отношении...» (7). Несмотря на активную деятельность старостатов и администрации вузов по оказанию помощи малоимущим студентам, многие студенты вынуждены были покидать вузы. За годы существования Юридического факультета (1920-1937 гг.) через него прошло свыше 2600 студентов, тогда как окончивших было всего 297 человек (8). В период

функционирования ИОКН (1925-1941 гг.) в нем обучалось 750 человек, окончили вуз с получением диплома 104 человека (9).

Политическая нестабильность в бывшей полосе отчуждения, особенно в конце 1920-х гг., иногда оказывала не меньшее влияние, чем материальная несостоятельность эмигрантских семей, на возможность окончания высшего образования представителями младшего поколения эмиграции. В 1928 г. в ХПИ вышел приказ о том, что в институте могут учиться только советские и китайские граждане, т.е. не просто дети советских и китайских подданных, но сами имеющие это подданство (10). В 1929 г. на Юридическом факультете было объявлено, что студенты-эмигранты, не имевшие китайского и советского гражданства, исключаются из вуза.

1929 г. стал началом заката русской высшей школы в Харбине. Юридический факультет в этом году превратился в составную часть китайского вуза – Правительственного юридического факультета и утратил какую-либо внешнюю материальную поддержку. Русская администрация Педагогического института также была заменена китайской, а несколько позднее Педагогический институт был слит с Юридическим факультетом. Начались гонения на «советское гнездо» - ХПИ, ходили слухи о его грядущем закрытии. И хотя этого не произошло в 1932 г. был создан альтернативный ХПИ Северо-Маньчжурский политехнический институт. Окончательный удар русской системе высшего образования в Маньчжурии был нанесен японской оккупацией региона.

1. Сборник памяти 1-го ХРПУ. Сидней, 1985. № 1. С.5.
2. Там же. С.52-56.
3. Друзьям от друзей. Сидней, 1988. № 28. С.4-12; 1991. № 34. С.16-32; 1994. № 40. С.11-16.
4. Заря. 1927. 4 дек. С.6.
5. Автономов Н.П. Юридический факультет // Русский Харбин. М., 1998. С.55.
6. Каневская Г. Харбинский политехнический в воспоминаниях его выпускников // Рубеж. Тихоокеанский альманах. Владивосток, 1998. № 3 (865). С.311.
7. Цит. по: Стародубцев Г. Русское юридическое образование в Харбине (1919-1937) // ПДВ. 2000. №6. С.144.
8. Там же. С.149.
9. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения (начало XX в. – 1945 г.) // Историческая наука на пороге III тысячелетия: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Тюмень: ТГУ, 2000. С.88.
10. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф.1. Оп.2. Д.32902. Л.11об.

Соколова Т.П.

**Система внеурочных мероприятий
как способ формирования навыков умственного труда**

Негосударственное образовательное учреждение – школа «Источник» существует уже более 10 лет, как школа, принимающая учащихся с 5 класса по тем или иным причинам не сумевшим реализоваться в тради-